

100

ВЕЛИКИХ РЕЛИКВИЙ МИРА

100 великих (Вече)

Андрей Низовский

100 великих реликвий мира

«ВЕЧЕ»

2008

Низовский А. Ю.

100 великих реликвий мира / А. Ю. Низовский — «ВЕЧЕ»,
2008 — (100 великих (Вече))

Слово «реликвия» буквально означает «наследие» – драгоценные памятники прошлого, без которого нет будущего. Реликвиями называют величайшие святыни мировых религий: ковчег Завета и крест Иисуса Христа, чашу Грааля и святую Каабу, меч пророка Мухаммеда и статую Изумрудного Буллы. Из этой книги вы узнаете и о тех реликвиях, которыми стали бережно хранимые регалии царских и королевских династий, драгоценные самоцветы, ценившиеся их владельцами выше собственной жизни... А что касается исторических реликвий, – таких, как ладья фараона Хеопса и Фестский диск, Капитолийская волчица и ацтекский Камень Солнца, Знамя Победы и спускаемый аппарат первого космического корабля, – то это поистине бессмертная летопись нашей цивилизации.

ББК 63.3(0)

Содержание

Реликвии мировых религий	6
Ковчег Завета	6
Туринская плащаница	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

100 великих реликвий мира

Составитель Андрей Низовский

С 1998 года издательство «Вече» выпускает книги серии «100 великих» – уникальные энциклопедии жизни знаменитых людей и выдающихся творений человеческого гения, самых удивительных явлений и загадок природы, величайших событий истории и культуры.

Более ста томов сгруппированы в коллекции серии «100 великих»:

КОЛЛЕКЦИЯ ТАЙН И ЗАГАДОК
КОЛЛЕКЦИЯ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
КОЛЛЕКЦИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ
КОЛЛЕКЦИЯ МАСТЕРОВ КУЛЬТУРЫ
КОЛЛЕКЦИЯ РЕКОРДОВ

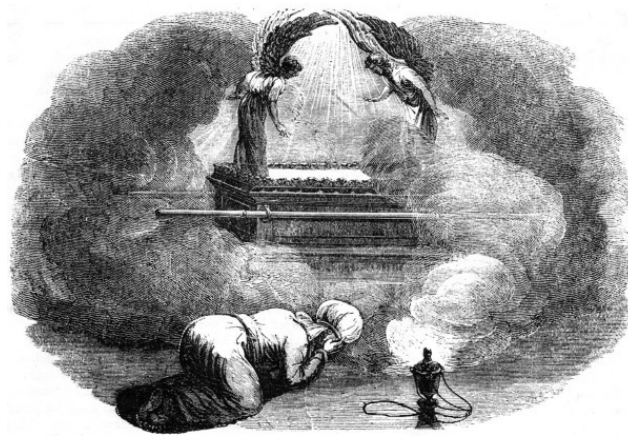
«Сто великих»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ЗАО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается

Реликвии мировых религий

Ковчег Завета

Местонахождение – предположительно церковь Марии Сионской, Аксум, Эфиопия

«Мы с пренебрежением отвергаем все те научно разработанные мифы, что Моисей был легендарной личностью, на которой народ основал свою религиозную и социальную систему. Мы считаем, что самым научным, самым здравым и самым удовлетворяющим убеждением будет буквальное принятие библейского повествования.

Мы уверены, что все произошло так, как записано в Священном Писании. Мы можем иметь полную уверенность в том, что все происшедшее случилось с людьми, подобными нам, и что их переживания аккуратно записаны и сохранены на протяжении столетий с большей точностью, чем многие телеграфные сообщения наших дней...

Пусть ученые и исследователи увеличивают свое знание и делают всевозможные испытания подробностей записей тех отдаленных веков, достигших наших дней. Этими исследованиями они лишь докажут нам простоту и существующую точность записанных истин, которые до сих пор освещают путь странствования человека».

Эти строки написал когда-то один из крупнейших деятелей XX столетия – премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. И для него, и для миллионов других людей, читавших и читающих Библию, было неоспоримо, что один из наиболее ярких персонажей Ветхого Завета – Моисей, принадлежал к числу великих мужей дохристианского мира. Избранный Богом, он изменил направление всей человеческой истории. Много позже христианская Церковь приняла откровение Ветхого Завета через народ, с которым некогда заключил союз сам Бог. А зримым символом этого союза служил ковчег Завета, знаменовавший присутствие Бога среди людей.

«Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя; и обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец; и вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его. Сделай из дерева ситтим шесть и обложи их [чистым] золотом; и вложи шесть в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег; в кольцах ковчега должны быть шесть и не должны отниматься от него... Сделай также крышку из чистого золота: длина

ее два локтя с половиною, и ширина ее полтора локтя; и сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки; сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее; и будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов. И положи крышку на ковчег сверху... там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения...» (Быт. 12: 9—10).

Выполняя эту заповедь, данную Богом, Моисей поручил изготовить ковчег мастеру по имени Веселеил, которого Господь «исполнил... Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством...». И когда ковчег был готов, Моисей вложил в него две скрижали, которые были даны ему на горе Синай и на которых Бог записал десять заповедей. Позже к ним прибавились сосуд с манной небесной и процветший жезл Аарона.

Самое раннее упоминание ковчега в Библии приходится на период странствий сынов израилевых, выведенных Моисеем из египетского плена (ок. 1250 г. до н. э.). Из пустынь Синай ковчег был доставлен евреями в землю обетованную. Благодаря исходившим от него сверхъестественным проявлениям народ Израиля был непобедим. Сила ковчега осушила реку Иордан, вызвала мор среди филистимлян.

Царь Давид поставил ковчег Завета в шатре (скинии), где ежедневно общался с Богом. Сын и преемник Давида, Соломон, торжественно перенес ковчег в Святой Святых построенного им Иерусалимского храма. Своей формой храм напоминал форму ковчега Завета и служил скорее святилищем, чем местом для массовых богослужений. Золотые цепи ограждали хранившуюся в нем реликвию, многочисленная золотая утварь таинственно мерцала в полумраке...

Последние упоминания о ковчеге относятся к временам правления иудейского царя Иосии (VII в. до н. э.). Его следы теряются после того, как вавилонский царь Навуходоносор в 587 г. до н. э. захватил и разрушил Иерусалим. Однако ковчег Завета не упоминается в числе реликвий и сокровищ, захваченных Навуходоносором в храме Соломона. Судьба его так и осталась неизвестной. Профессор древнееврейской и сравнительной религии Калифорнийского университета (США) Ричард Эллиот Фридман, много лет посвятившей этой загадке, называет ее «одной из величайших тайн Библии»; с его мнением согласны многие ученые.

На страницах Ветхого Завета можно обнаружить более двухсот упоминаний о ковчеге Завета вплоть до эпохи Соломона (970–931 гг. до н. э.), но он почти не упоминается после правления этого мудрого царя. Нет ни одного сообщения о том, что «Ковчег был увезен, уничтожен или спрятан», – писал в 1987 году Р.Э. Фридман. – Нет даже упоминания о том, что «и тогда Ковчег исчез и мы не знаем, что с ним случилось», или что «и никто не знает, где он находится по сей день». Самый важный, с библейской точки зрения, предмет попросту перестал существовать». В этом-то и заключается подлинная историческая загадка: дело не только в том, что пропала необычайно ценная реликвия, но и в том, что исчезновение ковчега – при всем его огромном религиозном значении – окружено плотной стеной молчания.

Есть все основания предполагать, что ковчег исчез задолго до того, как в 587 году до н. э. армия вавилонского царя Навуходоносора сожгла Иерусалим. Он не достался вавилонянам в качестве трофея. И ковчега

Завета определенно не было во втором храме, построенном на развалинах первого, после того как евреи вернулись в 538 году до н. э. из вавилонского плена.

В тайну исчезновения ковчега пытались проникнуть многие исследователи. Его поисками занимались нескольких археологических экспедиций, но все они оказались неудачными.

Древние (и не очень) предания рассказывают, что ковчег якобы до сих пор остается в Иерусалиме, укрытый где-то в недрах Храмовой горы. Согласно одной легенде, возникшей уже после вавилонского пленения, Соломон предвидел разрушение храма и поэтому «придумал

место для сокрытия ковчега». Апокрифический «Апокалипсис Баруха» – относительно поздний текст – сообщает, что реликвия была поглощена землей и скрыта под краеугольным камнем, на котором стоял храм Соломона. В Талмуде можно встретить свидетельство, что «ковчег был похоронен в своем месте». Царь Иосия, правивший в Иерусалиме с 639/ 640 по 608/609 год до н. э., то есть за десятилетие до захвата города вавилонянами, предвидя неминуемое разрушение храма, будто бы «спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы предохранить их от осквернения врагом». Другое предание, записанное в Мишне¹, утверждает, что реликвия была схоронена «под мощеным полом дровяного сарая, чтобы она не попала в руки врага». Этот дровяной сарай находился на территории храма Соломона, но место его расположения ко времени возвращения евреев из Вавилонского пленения было забыто и «осталось тайной на все времена». В Мишне рассказывается, что однажды некий священник работал во дворе храма (второго) и случайно наткнулся на «участок мощения, отличавшийся от остального. Он пошел и сказал об этом своему приятелю, но не успел он закончить, как жизнь оставила его. Так они точно узнали, что там покоится ковчег».

Совершенно иную версию сокрытия ковчега предлагает Вторая книга Маккавейская, составленная между 100 годом до н. э. и 70 годом н. э. евреем-фарисеем, писавшим на греческом языке. В ней говорится, что пророк Иеремия, «по бывшему ему Божественному откровению (о грядущем разрушении храма. – Авт.), повелел скинии и ковчегу следовать за ним, когда он восходил на гору, с которой Моисей, взойдя, видел наследие Божие. Придя туда, Иеремия нашел жилище в пещере и внес туда скинию, и ковчег и жертвенник кадильный, и заградил вход».

По мнению ученых, этот рассказ – всего лишь вымысел, с помощью которого автор Второй книги Маккавейской пытался возродить интерес еврейской диаспоры к исторической родине. Поскольку книга была написана примерно через пять столетий после смерти Иеремии, ее даже нельзя назвать древним преданием, хотя автор попытался представить его таковым. Тем не менее поиски ковчега Завета велись и в месте, указанном во Второй книге Маккавейской, и в других местах.

Еще в XII столетии рыцари-тамплиеры (храмовники) пытались отыскать ковчег в Иерусалиме в недрах Храмовой горы. Их поиски окончились ничем. Сегодня на Храмовой горе находятся третья и четвертая по значению святыни ислама – мечети «Купол Скалы» и Аль-Акса, поэтому современным археологам доступ на гору закрыт: мусульманские власти противятся проведению здесь каких бы то ни было научных исследований. С их точки зрения, это было бы осквернением святынь. Не менее сильное сопротивление оказывают и еврейские религиозные руководители. Еще в 1967 году, когда профессор Археологического института Еврейского университета Мазар впервые начал переговоры о раскопках с сефардским и ашкеназским главными раввинами, те ответили категорическим отказом: что случится, если в результате археологических раскопок ковчег Завета вдруг будет найден? Ведь считается, что евреи пребывают в состоянии «нечистоты» со времени разрушения второго храма и это состояние якобы закончится лишь с приходом истинного Мессии. А поскольку сыны израилены «нечисты» с точки зрения религиозного закона, им запрещено касаться ковчега Завета. Поэтому немислимо даже думать о раскопках до прихода Мессии!

Подобного рода догма стала серьезным препятствием на пути археологов. Тем не менее им удалось убедить раввинов, а также преодолеть возражения представителей двух других монотеистических религий – христианства и ислама. И в конце 1960-х годов ученые начали раскопки. Правда, велись они только на южной стороне Храмовой горы, где удалось найти вход в тоннель, выкопанный тамплиерами в XII столетии. Его проследили на глубину примерно

---

¹ Мишна (Мишной Тора) – обширное собрание законов и постановлений, регулирующих почти все сферы еврейской жизни. Ее окончательная редакция завершена ок. 200 года н. э.

тридцати метров. Тоннель тянется и дальше, но копать в пределах Храмовой горы строго запрещено, так что дальнейшие работы были свернуты. Археологи сумели лишь понять, что туннель ведет с юга в глубь горы и, по-видимому, проходит непосредственно под мечетью «Купол Скалы». Она стоит на том самом месте, где некогда располагалась Святая Святых храма Соломона и где когда-то хранился ковчег Завета.

Ничего не дали и поиски на горе Нево, где похоронен Моисей, и на соседней горе Фасги. Единственные следы! ковчега Завета можно сегодня отыскать только лишь... в Африке, в Эфиопии, столь далекой от Святой Земли!

Эфиопия – одно из древнейших африканских государств. Ее начальная история изложена в обширной рукописи XIV века «Кыбрэ Нэгэст» («Слава царей»). Основание древней эфиопской монархии (ок. 1000 г. до н. э.), просуществовавшей вплоть до 1974 года, эта хроника связывает с именем Македы, царицы Шебы. Умная, просвещенная и любознательная правительница, она известна во всем мире как царица Савская. Под этим именем она упоминается и на страницах Ветхого Завета.

«Кыбрэ Нэгэст» рассказывает, что царица прослышала о мудрости царя Соломона и о чудесах Иерусалима, и решила увидеть все это своими глазами. Она собрала караван, насчитывавший 797 верблюдов и столько ослов и мулов, что их число невозможно было подсчитать. Все эти животные были нагружены дарами для великого царя.

Несколько месяцев провела царица при дворе Соломона. Беседы с ним произвели на нее такое воздействие, что она отреклась от языческой религии своих предков и уверовала в единого Бога. В свою очередь, Соломон был поражен красотой этой женщины, и его охватила страсть к царице Шебы. Прощаясь, Соломон снял кольцо со своей руки и вложил его в руку Македы. «Если у тебя будет сын, отдай ему это кольцо и пришли сына ко мне», – сказал он.

Македа вернулась в Эфиопию и вскоре родила сына. Когда он вырос, то захотел увидеть своего отца и отправился в Иерусалим. Соломон сразу узнал его. Освященным елеем он помазал принца и дал ему имя – Менелик, что значит «как он красив». Соломон объявил, что отныне только потомки Менелика по мужской линии должны править Эфиопией. Так оно и случилось: после Менелика I в стране царствовали только его потомки по мужской линии; последним из них был император Хайле Селассие, свергнутый в 1974 году.

Прощаясь с отцом, Менелик попросил у Соломона часть покрыва с ковчега Завета, чтобы эфиопы могли поклоняться этой реликвии. Соломон удовлетворил его просьбу. Однако в результате подмены в руках Менелика оказался подлинный ковчег Завета! Впрочем, Соломон не стал убиваться по этому поводу, сказав, что «ковчег Завета передан не иноземцу, а моему сыну». Так ковчег оказался в Эфиопии, а в Иерусалиме осталась подделка.

Корни этой легенды, несомненно, уходят в текст Священного Писания. Ученые считают, что наиболее распространенная ее версия была обработана эфиопскими священнослужителями в XIV веке и в этом виде вошла в народный эпос. Как бы то ни было, легенда о Соломоне и царице Шебы приобрела сакральное значение, освящая власть эфиопских императоров – потомков Менелика, династия которых именовалась Соломоновой.

Эту историю, как и все легенды подобного рода, нельзя рассматривать некритически. В Эфиопии (Абиссинии) X века до н. э. не существовало и не могло существовать высококультурной централизованной монархии, описанной в «Кыбрэ Нэгэст». Нет никаких подтверждений и тому, что царица Савская была эфиопкой – напротив, по другим сведениям, ее родина находилась в Аравии, на юге Аравийского полуострова. Однако нет и оснований считать это совершенно невозможным: в своих знаменитых «Иудейских древностях» Иосиф Флавий, например, называет ее «царицей Египта и Эфиопии». Факт существования Менелика еще менее достоверен: историки считают предполагаемого основателя Соломоновой династии эфиопских императоров чисто легендарной фигурой.

В легенде, рассказанной в «Кыбрэ Нэгэст», существует еще много других нестыковок, анахронизмов и неточностей. А вот что касается ковчега Завета...

Народ Эфиопии свято верит в то, что он на протяжении многих веков обладает этой священной реликвией. Для эфиопов это так же очевидно и обыденно, как и утверждение о том, что «Волга впадает в Каспийское море» – для русских. Достоверно известно и место хранения реликвии: церковь Марии Сионской в древнем городе Аксум, расположенном на севере страны. На протяжении многих веков он являлся столицей Эфиопии и до сих пор сохранил за собой значение ее главного сакрального центра. Кстати, Аксума еще не было и в помине в тот период, когда ковчег, предположительно, был привезен в Эфиопию: этот город был основан не ранее III века до н. э., быть может, даже не ранее II века – иными словами, через семьсот или восемьсот лет после предполагаемого исчезновения ковчега.

Первоначальное здание церкви Святой Марии было построено в 372 году н. э. Она стала самой первой христианской церковью в Черной Африке. Просторная пятинефная базилика с момента своего основания являлась местом массовых паломничеств: ведь она была специально построена для хранения ковчега Завета, который – если верить легендам – был доставлен в страну задолго до рождения Иисуса Христа и до того, как христианство стало официальной религией в Аксумском государстве.

Следует заметить, что христианская религия в Эфиопии имеет ряд весьма специфических черт, и уж ни в коем случае не является «православной», как это иногда утверждают некоторые отечественные авторы.

Эфиопская церковь принадлежит к числу древних восточных (дохал-кидонских) церквей, отказавшихся признать нераздельное и неслиянное существование во Христе двух начал: божественного и человеческого, и принявших в качестве догмы учение о поглощении человеческого начала Христа божественным – т. н. з. монофизитство. Монофизитство было осуждено Халкидонским собором 451 года; сегодня его придерживаются несколько церквей: Армянская апостольская (которую иногда также ошибочно считают «православной»), Коптская, Эфиопская, Эритрейская, Сирийская (яковитская) и Сиро-Маланкарская.

Другой особенностью Эфиопской церкви является чрезвычайно заметное влияние иудаизма. По всей Эфиопии в среде христиан встречаются несомненно иудейские по происхождению обычаи и верования. Миллионы эфиопских христиан избегают есть «нечистых» птиц и млекопитающих (особенно свиней), соблюдают еврейскую субботу – но не вместо воскресенья, святого для их единоверцев в других местах, а вдобавок к нему. Они делают обрезание своим сыновьям на восьмой день после их рождения, как установлено книгой «Левит», – этот обычай из всех народов мира соблюдают сегодня только евреи и эфиопы. Отмечаются и другие праздники, хотя внешне христианские, но изначально явно иудейские. Так, эфиопский праздник Нового года (Инкуташ) близко соответствует еврейскому Новому году (Рош Хашанах). Оба они справляются здесь в сентябре, и за обоими через несколько недель следует второй праздник (Маскал в Эфиопии и Йом Кипур в Израиле). Эфиопские христиане также строго соблюдают многие из законов Пятикнижия Моисеева. Христианская вера не устанавливает ни одного из этих ограничений, но Пятикнижие требует соблюдения их всех. В целом же англиканский архиепископ Дэвид Мэтью еще в 1947 году описал «весь комплекс религиозных отклонений в Эфиопии как древний и культовый, пропитанный иудейскими обычаями».

Христианские церкви Эфиопии по своему устройству восходят едва ли не ко временам храма Соломона. Ведущий специалист в этой области профессор Лондонского университета Эдвард Уллендорф пишет по этому поводу:

«Внешняя аркада абиссинской церкви из трех concentрических частей называется кене махлет, то есть место для исполнения псалмов, она соответствует уламу храма Соломона. Следующее помещение – кеддест, где отправляется обряд причащения. Внутренняя часть – макдас, куда имеют доступ только священники... Такое разделение на три помещения свойственно

всем абиссинским церквям, даже самым маленьким. Таким образом, совершенно очевидно, что абиссинцы предпочли форму еврейского храма базилике, принятой первыми христианами повсеместно».

Профессор Уллендорф не стал строить догадки, почему абиссинцы оказали предпочтение дохристианской модели для своих христианских церквей. Он только лишь делает вывод:

«Ясно, что эти и другие традиции... были составной частью абиссинского национального наследия задолго до обращения в христианство в IV веке, ибо было бы непонятно, почему народ, недавно обращенный из язычества в христианство (и не христианином-евреем, а сирийским миссионером Фрументием), начал бы потом похваляться иудейской родословной и настаивать на израильских связях, обычаях и институтах».

Сирийскому миссионеру Фрументию, обратившему Аксумское царство в христианство – коптский патриарх Александрии назначил его в 331 году н. э. первым архиепископом Эфиопии, – по-видимому, пришлось приспособлять институты новой веры к уже существовавшим иудейским обычаям страны. Но когда, каким образом иудаизм мог попасть в эту далекую африканскую страну?

Академический мир в большинстве своем сходится во мнении, что иудейская вера достигла Эфиопии не ранее II века н. э. Ее принесли сюда бежавшие от римских преследований эмигранты из Палестины, основавшие крупную еврейскую общину в Йемене, а затем перебравшиеся через Красное море на Африканский континент. Одним из самых решительных сторонников такой точки зрения был упоминавшийся выше профессор Уллендорф, в своем обширном труде «Эфиопия и Библия» категорично утверждавший, что евреи проникали в Эфиопию из Южной Аравии на протяжении длительного периода с 70 по 550 год н. э.

Южная Аравия действительно выглядит наиболее вероятным исходным пунктом миграционного движения из этого региона в Эфиопию. Однако отношение ученых к «йеменскому следу» отнюдь не единодушно. Имеются немало сведений, указывающие на то, что иудейская вера играла важную роль в Эфиопии еще задолго до прихода сюда в IV веке н. э. христианства. С этим, в частности, связана загадка фалаша – эфиопских иудеев.

«Евреи в Эфиопии были всегда, с самого начала», – писал в XVII веке португальский иезуит Балтазар Теллеш. Фалаша (фалашаи), «черные евреи Эфиопии», внешним видом и одеждой почти не отличаются от других жителей Абиссинского нагорья. Их родное наречие является диалектом древнего агавского языка, на котором когда-то говорили многие жители северных провинций Эфиопии. Единственной чертой, отличавшей фалашей, была их религия – несомненно иудейская, хотя весьма архаичного и своеобразного типа. Европейские миссионеры, побывавшие в Эфиопии в XIX веке, с удивлением писали: «Фалашаи ничего не знают о Вавилонском или Иерусалимском Талмуде, которые были сочинены во время и после Вавилонского пленения. Они также не соблюдают праздников Пурим и Освящения Храма, которые свято соблюдаются евреями нашего времени»

Праздник Освящения Храма был известен как Ханука. Он был установлен в 164 году до н. э. и по этой причине обязательно должен был бы соблюдаться еврейской общиной, обосновавшейся в Йемене после 70 года н. э. Несоблюдение фалашами Хануки подсказывает только один вывод: они обратились в иудаизм до 164 года до н. э., и значит, эта религия пришла к ним не из Йемена, а из какого-то другого места.

Как писал в 1869 году в своей книге «Фалашаи Абиссинии» немецкий миссионер Мартин Флад, праздник Пурим эфиопские евреи также не соблюдали. Между тем этот праздник отмечался уже со II века до н. э. Он может иметь и более раннее происхождение: отмечаемые им события имели место в середине V века до н. э., и высказывались предположения, что его соблюдение стало весьма популярным уже к 425 году до н. э. Значит, фалашаи оказались изолированными от основного русла мирового иудаизма задолго до этой даты, быть может, еще в VI веке до н. э.!

Другой миссионер, Генрих Штерн, в своей опубликованной в 1862 году книге «Странствия среди фалашей Абиссинии» утверждает, что эфиопские евреи соблюдали верность закону Моисея, «в соответствии с которым они строили свой культ», однако при этом совершали жертвоприношения животных. Однако практика совершения местных жертвоприношений вне стен главного храма в Иерусалиме была отменена царем Иосией в VII веке до н. э. Получается, что предки нынешних фалашей были обращены в иудаизм еще до этого времени?

Архаичные обычаи фалашей ставят под серьезное сомнение утверждения о позднем (южноаравийском) происхождении эфиопского иудаизма. Напротив, они довольно убедительно свидетельствуют в пользу того, что иудейская вера могла прийти в Эфиопию еще во времена Первого храма. А содержащаяся в «Кыбрэ Нэгэст» легенда позволяет понять, как и почему иудаизм пустил корни в сердце Африки в столь давнюю эпоху: да потому, что связана эта история непосредственно с ковчегом Завета!

«Кыбрэ Нэгэст» совершенно ясно указывает на то, что иудаизм проник в Эфиопию в 950-х годах до н. э., когда Менелик и его свита вернулись в страну с ковчегом. Существование туземных «черных евреев» в Эфиопии служит красноречивым доказательством присутствия там и ковчега. Их приверженность древним, давно забытым в других местах обычаям привела ряд путешественников к выводу, что фалаша являются «потерявшимся племенем Израиля». В 1970-х годах это представление получило официальное благословение иерусалимских раввинов, недвусмысленно называющих фалашей евреями, т. е. считающимися достойными израильского гражданства в соответствии с законом о репатриации.

По иронии судьбы главной причиной столь запоздалого признания был явно ветхозаветный характер фалашской религии, который никак не вписывался в Талмуд (свод иудейских законов и толкований, накопленных между 200 г. до н. э. и 500 г. н. э.). Поэтому фалаша казались довольно чуждыми израильтянам и остальным евреям. Позже было признано, что незнание талмудических предписаний было лишь следствием того, что эфиопская ветвь была отсечена от мирового иудаизма на весьма ранней стадии. Эта изолированность объясняла приверженность фалашей давно запрещенной практике, в частности приношения в жертву животных.

Но каким образом это «потерявшееся племя» оказалось почти в двух тысячах километров от Израиля? На этот вопрос однозначного ответа нет. А что говорят сами фалаша?

Часть их считает себя потомками царя Соломона. Остальные же евреи в Эфиопии якобы являются потомками телохранителей сыновей израильских старейшин, которые сопровождали Менелика с ковчегом Завета.

В Эфиопии долгое время существовала династия еврейских царей. Иудеи порой даже вели успешные войны с христианскими правителями. Возможно, в центре этой борьбы находился ковчег Завета, который эфиопские христиане сумели каким-то образом отобрать у иудеев. В «Кыбрэ Нэгэст» есть такие строки: «Царству иудеев придет конец, и будет установлено царство Христа... Так Бог дал царю Эфиопии больше славы, милости и величия, чем всем остальным царям на земле, из-за величия Сиона, ковчега закона Божьего».

Фалаша сопротивлялись христианам довольно долгое время. Путешественник IX века Элдад Хадани, более известный как Элдад Данянин, в письме, датированном 833 годом, писал, что потомки колена Данова и три других потерявшихся еврейских колена проживали в Эфиопии, где пребывали в постоянной вражде с христианскими правителями страны: «И они убивали людей Эфиопии, и по сей день они бьются с сынами царств Эфиопии». Элдад утверждал, что фалаша эмигрировали из Святой Земли в Эфиопию во времена Первого храма, вскоре после распада Израиля на два царства – Иудейское и Израильское (т. е. около 931 года до н. э.). Поэтому, писал он, они не отмечали праздников, установленных после этой даты, вроде Пурима и Хануки. Не было у них и раввинов, «ибо последние появились со Вторым храмом и сюда не пришли». У фалашей действительно не было раввинов: своих религиозных деяте-

лей они называли «кахен» – производное от еврейского слова «кохен», означающего «жрец» и восходящего к эпохе Первого храма.

В заключение Элдад сообщает, что иудеи Эфиопии были удачливы в войнах и «наложили руки свои на шею врагов своих». Это – довольно точное описание истинного баланса сил христиан и евреев в IX – начале X века. Именно в это время была свергнута Соломонова династия царей Аксума, и полстолетием позже у власти утвердилась династия Загве, к которой принадлежал знаменитый царь Лалибэла. Вначале Загве, несомненно, были иудеями, но позже обратились в христианство, а впоследствии (лет через пятьдесят после кончины Лалибэлы) последний император этой династии отрекся от трона в пользу представителя Соломоновой династии.

В XII столетии известный путешественник, купец Вениамин из Туделы сообщал о присутствии в Эфиопии иудеев, которые «не находились под ярмом иноверных» и имели «свои города и замки на вершинах гор». Писал он и о войнах фалашей с христианами. В XV веке еврей-путешественник Элия из Феррары рассказывал, что встретил в Иерусалиме молодого фалаша, который сообщил ему, как его единоверцы «сохранили свою независимость в горных районах, откуда они постоянно развязывали войны против христианских императоров Эфиопии». А столетием позже христианский епископ Овьедо писал, что фалашаши укрывались «в недоступных горах и отобрали у христиан многие земли, став их хозяевами, а цари Эфиопии не могли покорить их, ибо они выступали только малыми силами и было весьма трудно проникнуть в их цитадели в скалах».

Император Эфиопии Сарса Денгел, правивший с 1563 по 1594 год, вел против фалашей непрерывную семнадцатилетнюю войну, которую современные ученые сравнивают с крестовым походом. Фалашаши оборонялись в Симиенских горах к западу и югу от реки Тэкэзе. Позже фалашский царь Радаи был взят в плен и казнен. А в конце XVI века пали две последние крепости фалашей в Симиенских горах.

В последующие двадцать лет были уничтожены многие тысячи фалашей, а их дети проданы в рабство. Немногим выжившим, по свидетельству шотландского путешественника Джеймса Брюса, «было приказано отречься под страхом смерти от своей религии и креститься».

И они согласились на это, ибо не видели другого выхода... Многие из них были крещены, и всех их заставили пахать и боронить в субботу».

В результате непрерывного притеснения эфиопские евреи лишились своей автономии и постепенно стали уходить в забвение. В первом десятилетии XVII века численность фалашей исчислялась примерно «100 тысячами мужчин». Если предположить, что на каждого мужчину приходилась семья из пяти человек, общая численность фалашей в тот период составляла около 500 тысяч. В конце XIX века еврейский ученый Иосиф Халеви насчитал уже около 150 тысяч фалашей. К концу первой четверти XX столетия их численность упала до 50 тысяч, а в голодный 1984 год фалашское население Эфиопии оценивалось в 28 тысяч человек. Сейчас их осталось, вероятно, не больше двадцати тысяч, и большинство из них уже перебралось в Израиль.

Но вот вопрос: почему некая группа евреев в глубокой древности эмигрировала из Израиля так далеко – аж в Эфиопию? Значит, у эмигрантов был какой-то сильный побудительный мотив. Какой?

...На протяжении столетий иудеи и христиане Эфиопии вели борьбу не на жизнь, а на смерть. В ней победили христиане, которым и достался ковчег Завета. Они включили его в свои собственные религиозные обряды. Таково единственное возможное объяснение той уникальной в христианском мире роли, которую в службах Эфиопской церкви играют «таботы» – копии великой реликвии Ветхого Завета.

Табот – таинственный предмет, считающийся в высшей степени священным – хранится во внутреннем святилище, «святая святых» каждой из более чем двадцати тысяч христианских церквей Эфиопии. Входить в это святилище могут только старшие священники. Мирянам их

вообще не полагается видеть. Даже когда таботы выносят во время крестного хода, они всегда завернуты в ткань.

Таботы окружены почти суеверным благоговением. Именно табот придает святость церкви, в которой он хранится. При освящении храма в него торжественно вносится освященный патриархом табот, что составляет главную особенность церемонии. В некоторых церквях и монастырях хранится даже по десять – двенадцать таботов, которые используются для различных ритуалов.

Как давно эфиопские христиане начали использовать таботы? Первое упоминание о них принадлежит португальскому священнику Фран-сиску Альварешу, посетившему север страны в XVI столетии и побывавшему в Аксуме. Очевидно, однако, что он засвидетельствовал уже сложившуюся и весьма давнюю традицию.

Слово «табот» можно перевести как «ковчег». В Библии говорится, что ковчег Завета был деревянным, покрытым золотом ларцом размерами 2,5 x 1,5 x 1,5 локтя. Но соответствуют ли таботы такому описанию? Нет. Ни один из таботов не походит на библейское описание ковчега. Все они представляют собой плоские пластины из камня, а иногда и из дерева, и размер их гораздо меньше описанного. По всей видимости, они призваны изображать собой скрижали, хранившиеся в ковчеге Завета – ведь люди порой нуждаются в осязаемом свидетельстве своей веры...

Профессор Эдвард Уллендорф считает, что не трудно объяснить, каким образом эфиопы стали называть «таботами», т. е. «ковчегами», пластины из дерева и камня:

«Подлинный ковчег, как предполагается, хранится в Аксуме; все остальные церкви могут обладать только копиями. В большинстве случаев, однако, они являются копиями не всего ковчега, а лишь его предполагаемого содержимого, т. е. скрижалей Закона... Иными словами, описание этих каменных или деревянных дощечек словом «таботат» – просто «часть вместо целого», касающаяся самого важного в ковчеге – скрижалей Завета».

Все жители Эфиопии знают, что ковчег Завета хранится в церкви Святой Марии Сионской в Аксуме. И хотя его практически никто – за исключением очень узкого круга высших иерархов Эфиопской церкви – не видел, сохранилось описание очевидца, арабского географа по имени Абу Салих, по происхождению армянина. Он жил в самом начале XIII столетия и сделал обзор христианских церквей и монастырей, находившихся в Египте. Кроме того, он посетил ряд соседних стран, в том числе и Эфиопию. В книге Абу Салиха «Церкви и монастыри Египта и некоторых соседних стран» говорится:

«Абиссинцы обладают ковчегом Завета, в котором хранятся две скрижали с написанными пальцем Бога заповедями для сынов Израилевых. Ковчег Завета помещен в алтаре, но он уже алтаря; высотой он с человеческое колено и обложен золотом».

Абу Салих был свидетелем и того, как христиане Аксума использовали этот предмет:

«Литургия с ковчегом служится четыре раза в год в царском дворце, и его накрывают пологом, когда переносят из церкви, в которой он хранится, в дворцовую церковь; а именно: в праздник великого Рождества, в праздник славного Крещения, в праздник Воскресения Христова, в день Страстей Господних».

Размеры и внешний вид реликвии, описанный Абу Салихом, способ транспортировки реликвии под «пологом» – все совпадает с тем, что говорится в Библии!

Крестный ход с таботом является центральной частью обрядов, посвященных празднику Тимкат – Богоявлению. Эфиопы, как и все восточные христиане, связывают этот праздник с Крещением Христовым, но их обряды коренным образом отличаются. В частности, уникально использование табота, не имеющее ничего подобного в любой другой христианской культуре. Этот обряд не признается даже Коптским патриархом в Александрии, который ставил в Эфиопии своих архиепископов со времен обращения в христианство Аксумского царства в 331 году до получения Эфиопской церковью самостоятельности в 1959 году. Это присутствие, даже

доминирование дохристианской реликвии – ковчега Завета – составляет центральную особенность эфиопского христианства.

Главные обряды, связанные с праздником Тимкат, проводятся в священном городе Аксуме у стен церкви Марии Сионской. Ее нынешнее здание построено в середине XVII века императором Фасилидасом. Недалеко от него видны руины когда-то внушительной постройки, от которой остались лишь глубоко врытые фундаменты. Здесь стояла первоначальная церковь Марии Сионской, построенная в IV веке н. э. – во время обращения Аксумского царства в христианство. Примерно двенадцать столетий спустя, в 1535 году, ее сровнял с землей фанатичный мусульманский завоеватель Ахмед Гран (Левша), орды которого, вторгшись с Аравийского полуострова, поставили под вопрос само существование эфиопского христианства. Незадолго до разрушения храм посетил португальский священник Франсишку Альвареш. Он стал первым европейцем, записавшим эфиопский вариант легенды о царице Савской и о рождении ее сына Менелика.

В это время ковчег все еще находился в святой святынь древней церкви. Ему, однако, недолго предстояло оставаться там. Когда вторгшиеся в страну армии Ахмеда Грана подошли к городу, священная реликвия была перенесена в один из многочисленных островных монастырей на озере Тана и тем самым избежала уничтожения. Столетие спустя, после восстановления мира во всей империи, ковчег был торжественно возвращен в храм Святой Марии, построенный Фасилидасом рядом с развалинами старой церкви. Там он находился до 1965 года, когда император Хайле Селассие переправил его в новую, более надежно защищенную часовню, сооруженную в качестве придела церкви XVII века. Никто из простых смертных, даже президент Эфиопии, не имеет права видеть реликвию. Однако нынешний эфиопский патриарх Абун Паулос утверждает, что видел ковчег своими глазами и что он в точности соответствует описаниям Ветхого Завета.

Но что скрывается за легендой о Соломоне, царице Савской и Менелике? Кто на самом деле привез ковчег в Эфиопию, когда и при каких обстоятельствах?

Приблизительно в 955 году до н. э. царь Соломон поместил ковчег в специально построенный храм, как об этом рассказывается в Третьей книге Царств:

«Тогда созвал Соломон старейшин Израилевых... И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых... Когда священники вышли из святилища, облако наполнило дом Господень; и не могли священники стоять на служении, по причине облака, ибо слава Господня наполнила храм Господень. Тогда сказал Соломон: Господь сказал, что Он благоволит обитать во мгле; я построил храм в жилище Тебе, место, чтобы пребывать Тебе во веки... Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил...»

В «Кыбрэ Нэгэст», в главе 62, описывается горе Соломона после того, как он обнаружил, что его сын Менелик выкрал реликвию из храма и увез ее в Эфиопию. Когда же царь собрался с мыслями, то обратился к старейшинам Израиля, также громко оплакивавшим утрату ковчега, и предостерег их:

«Перестаньте, дабы необрезанные не глумились над вами и не могли сказать: “Их славу забрали, и Бог оставил их”. Ничего не открывайте чужим... И... старейшины Израиля сказали ему в ответ: “Да исполнится воля твоя, как и воля Господа Бога! Что же до нас, то никто из нас не нарушит слово твое, и мы не сообщим кому-либо, что ковчег был забран у нас”. И к такому соглашению они пришли в доме Божьем – старейшины Израиля со своим царем Соломоном». Иными словами, если верить «Кыбрэ Нэгэст», ковчег был увезен в Эфиопию при жизни Соломона, но вся информация об этой трагической утрате скрывалась, и поэтому о нем не упоминается в Священном Писании. Таким образом, изъятие ковчега из Иерусалимского храма могло быть произведено под прикрытием заговора молчания, организованного царем и высшими священниками. Но каким царем, если не Соломоном?

Ни одно из содержащихся в Третьей книге Царств упоминаний о ковчеге не датировано временем позже царствования Иосии (640–609 гг. до н. э.). То же самое можно сказать и об упоминаниях в книге «Второзаконие». А одно место в главе 8 Третьей книги Царств особенно интересно:

«И внесли священники ковчег Завета Господня на место его, в давир храма, во Святое Святых, под крылья херувимов. Ибо херувимы простирали крылья над местом ковчега, и покрывали херувимы сверху ковчег и шесты его. И выдвинулись шесты так, что головки шестов видны были из святилища пред давиром, но не выказывались наружу; они там и до сего дня».

Почему книжник посчитал необходимым уверить читателей, что шесты ковчега в его время можно было видеть выступающими из внутреннего святилища? Это утверждение имело бы смысл только в том случае, если бы ковчег в действительности там... не было!

В 1928 году исследователь Библии Юлиан Моргенштерн, удивившись странным словам: «они там и до сего дня», пришел к заключению, что автор пытался «уверить читателей в том, что шесты ковчега и, следовательно, сам ковчег находились во внутренней части храма, даже если их не могли видеть простые люди или фактически никто, кроме первосвященника, входившего в святая святых один раз в год – во время Иом-Кипура... Тот факт, что [автор] считал себя обязанным настаивать таким образом на том, что в его время ковчег все еще находился в храме... свидетельствует, что он должен был противостоять широко распространенному и упорному сомнению в этом – сомнению, основанному, по всей вероятности, на реальном факте». Налицо признаки попытки убедить народ в том, что ковчег все еще находится на своем месте в храме; это похоже на старания скрыть правду, то есть тот факт, что реликвии уже не было там.

Однако, скорее всего, во времена Иосии было обнаружено лишь отсутствие ковчега, а утрачен он был еще раньше. Почему? Да потому что Иосия был усердным приверженцем единого Бога, стремившимся подчеркнуть первостепенное значение Иерусалимского храма. Немыслимо, чтобы такой монарх позволил изъять из святая святых главный символ своей религии. Напрашивается вывод: ковчег исчез еще до воцарения Иосии, то есть до 640 года до н. э.

В некоторых легендах говорится, что в последние годы своего царствования Иосия, предвидя скорое разрушение храма вавилонянами, спрятал ковчег и все его принадлежности, дабы уберечь их от осквернения в руках врага. Но Иосия никак не мог предсказать события 598–587 годов до н. э. Он умер в 609 году до н. э. – за пять лет до того, как Навуходоносор, разрушитель Иерусалима, унаследовал вавилонский трон. Предшественник же Навуходоносора, Набупаласар, не проявлял никакой агрессии в отношении Израиля. Таким образом, исторический фон царствования Иосии не подтверждает версию о том, что он мог заранее спрятать ковчег Завета.

Самое последнее упоминание священной реликвии в Ветхом Завете встречается в том месте Второй книги Паралипоменон, где описываются меры Иосии по восстановлению традиционных богослужений в храме:

«И изверг Иосия все мерзости из всех земель, которые у сынов Израилевых... И поставил он священников на местах их... и сказал левитам, наставникам всех Израильтян, посвященным Господу: поставьте ковчег святой в храме, который построил Соломон, сын Давидов, царь Израилев; нет вам нужды носить его на раменах...»

Иосии не было нужды просить левитов поставить ковчег в храме, если он уже находился там. Следовательно, царь не мог изъять реликвию, поскольку явно полагал, что ее забрали левиты, и, во-вторых, ковчег исчез из храма до обращения Иосии к левитам. Вторая книга Паралипоменон точно датирует это обращение: «в восемнадцатый год царствования», иными словами, в 622 году до н. э.

Из текста Библии неясно, выполнили ли левиты царский приказ. В нем нет ни описания церемонии возвращения ковчега в храм (если таковое имело место), ни вообще никаких упо-

минаний о ковчеге после этого времени. Похоже, слова царя не были услышаны, а если и были, то теми, кто не мог выполнить их.

Таким образом, к 622 году до н. э. ковчег в храме уже не было. Пропасть он мог только в период между смертью Соломона (955 г. до н. э.) и воцарением Иосии (640 г. до н. э.). По этому поводу в книге профессора Менахема Харана «Храмы и храмовая служба в Древнем Израиле». говорится:

«Был только один-единственный период, когда его (иерусалимский храм. – Авт.) лишали изначальной функции и он перестал служить как храм Бога... Это случилось во время царствования Манассии... который установил сосуды Ваала... во внешнем святилище и внес Астарту во внутреннее святилище храма... Это единственное событие, которое может объяснить исчезновение ковчег и херувимов... Мы вправе заключить, что идол Астарты заменил... ковчег и херувимов. Примерно пятьдесят лет спустя, когда Иосия вынес Астарту из храма, сжег ее в долине Кедрона, истер ее в прах и даже развеял прах ее, ковчег и херувимов уже не было там».

Следовательно, ковчег Завета был утрачен во время царствования Манассии! Вот почему его нет в перечне сокровищ храма, захваченных вавилонянами. Но если ковчег был вынесен в связи с идолопоклонством Манассии, тогда как объяснить тот факт, что в Священном Писании нет никакого упоминания о его утрате?

По всей видимости, это событие вызвало у книжников такие скорбные чувства, что они умышленно воздержались от рассказа об исчезновении реликвии. Священники-левиты ни при каких обстоятельствах не могли позволить ковчегу Завета находиться в одном помещении с идолом Астарты. Но во времена Манассии Иерусалим, да и вся страна, не могли считаться безопасным местом для тех, кто сохранял верность Богу. И следовательно, реликвию надо было переправить в более надежное место...

Интересно, что согласно преданиям абиссинских фалашей, их предками были евреи, которые, прежде чем перебраться в Эфиопию, жили в Египте. Они жили там сотни лет и даже построили свой храм близ Асуана. Он простоял долгое время и в конце концов был разрушен. Под давлением внутренних неурядиц, начавшихся в Египте в связи с персидским завоеванием, иудеи были вынуждены уйти – сперва в Мероэ (Судан), а затем новая война изгнала их еще дальше. Беглецы разделились на две группы: одна поднялась по реке Тэкэзе, другая по Нилу. Такими путями они прибыли в Абиссинию и поселились близ озера Тана.

Ковчег Завета был доставлен на озеро Тана и там укрыт на острове Тана Киркос. В памяти фалаша этот остров еще долгое время считался священным. Реликвия оставалась на острове на протяжении восьми столетий, пока не была в конце концов доставлена в Аксум. Это произошло во времена обращения Эфиопии в христианство...

Есть ли под этими преданиями хотя бы крупица истины?

Как установили археологи, иудейский храм в египетском Асуане действительно существовал, только находился он не в самом Асуане, а на острове Элефантина посреди Нила. Этот храм был разрушен в V веке до н. э., и после этого еврейская община бесследно исчезла с острова. Но ведь именно в V веке до н. э., по преданиям фалашей, ковчег Завета был доставлен в Эфиопию!

Раскопками на Элефантине установлено, что здесь в VII–V веках до н. э. существовало еврейское поселение. Между Элефантиной и Иерусалимом велась оживленная переписка, письма писались на глиняных черепках и папирусных свитках. Во многих из них упоминается храм Яхве на Элефантине. Сегодня археологи с точностью до метра знают его местоположение, знают, когда он был построен – ок. 650 года до н. э., когда он был разрушен – в 410 году до н. э., а также то, что в последующие века на его месте был построен древнеримский храм.

Иудейский храм на Элефантине имел внушительные размеры: около 30 м в длину и 30 в ширину – соответственно 60 и 20 локтей. Любопытно, что Библия указывает те же размеры для храма Соломона в Иерусалиме. Подобно храму Соломона, кровля храма на Элефантине

была сделана из кедра. Но если храм Соломона был построен, чтобы разместить в нем ковчег Завета, не логично ли предположить, что и храм близ Асуана был сооружен с той же целью?

Время постройки храма на Элефантине приходится на период царствования Манассии— царя, внесшего идола в святынях Иерусалимского храма и тем самым принудившего священников вынести оттуда ковчег. В течение двух столетий реликвия могла храниться на Элефантине. Характерно, что в храме на Элефантине регулярно приносились в жертву животные, в том числе совершалось жертвоприношение барана в пасхальную неделю. Это свидетельствует о том, что элефантинская еврейская община эмигрировала в Египет еще до реформ царя Иосии (640–609 гг. до н. э.), когда жертвоприношения были запрещены где бы то ни было, кроме Иерусалимского храма (этот запрет соблюдался даже евреями, угнанными в вавилонский плен). Поскольку местные евреи регулярно переписывались с Иерусалимом, нет сомнений в том, что они знали о введенном Иосией запрете и все же продолжали совершать жертвоприношения. Следовательно, они считали себя вправе поступать так. Такое право они могли иметь благодаря присутствию ковчега Завета в их храме...

Из найденной археологами переписки мы узнаем, что евреи на Элефантине считали, что Бог физически присутствовал в их храме. В Древнем Израиле (и во время скитаний евреев по пустыне) считалось, что Бог обитает там, где находится ковчег; эта вера была утрачена лишь с признанием утраты ковчега. Когда евреи на Элефантине говорили о божестве, физически присутствовавшем с ними, они вполне могли иметь в виду ковчег.

Разумеется, нет никаких неопровержимых фактов, связывающих фалашей Эфиопии с Элефантиной. Однако, принимая во внимание глубоко ветхозаветный характер религии фалашей, вполне логично предположить, что иудаизм был принесен в Эфиопию из Египта. Одно из доказательств древности иудаизма в Эфиопии – крайне архаичный характер фалашской религии, в которой центральную роль играет жертвоприношение, типичное для Элефантины. Это добавляет веса гипотезе о том, что ковчег Завета мог быть доставлен в Эфиопию с этого острова.

Иудейский храм на Элефантине имел собственное духовенство. В текстах переписки они именуется «кхн» (без гласных). Добавив гласные «а» и «е», получим «кахен». Но ведь так называют фалашских священников!

Одно из названий иудейского храма на Элефантине – «мсгд» (без гласных), что означает «место, где падают ниц». И по сей день у эфиопских фалашей нет синагог, как нет и храма, но свои скромные святилища они называют «месгид».

Таким образом, ковчег Завета мог прибыть в Эфиопию в 470 году до н. э. или около того, иными словами – спустя пятьсот лет после Соломона, Менелика и царицы Савской. Характерно, что Эфиопия – единственная страна, которая еще в древности восприняла иудаизм и сохранила ему верность вплоть до XX века. И это единственная страна в мире, в истории которой ковчег Завета сыграл такую огромную роль и жители которой до сих пор убеждены, что владеют этой реликвией.

Стоит вспомнить, что в книге пророка Софонии, написанной между 640 и 622 годами до н. э., в уста Господа вложены следующие слова: «Из заречных стран Ефиопии поклонники Мои, дети рассеянных Моих, принесут Мне дары» (Соф. 3: 10). Но когда Софония говорит о «рассеянных», какое именно событие он имеет в виду? Ведь до времени жизни Софонии не было никакого «рассеяния» евреев из Святой Земли!

Слова «заречные страны Ефиопии» встречаются в Библии еще один раз, в книге пророка Исаяи: «Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов по морю, и в папировых суднах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезают реки».

Время жизни Исаяи – приблизительно 740–687 (или 745–695) годы. до н. э. Согласно одному преданию, пророк умер мученической смертью от рук царя Манассии. Возможно, в приведенном выше тексте Исаяя говорит об Абиссинии и о районе традиционного расселения фалашей: высокогорье вокруг озера Тана действительно «прорезано» реками. Обитатели этой земли – люди «рослые» и «страшные»; такое описание вполне применимо к эфиопам, чья блестящая, каштаново-коричневая кожа отличается от черной кожи жителей других африканских стран. Наконец, Исаяя знал, что люди этой земли плавают в «папиновых судах». До сих пор обитатели районов вокруг озера Тана широко используют лодки из папируса, которые они называют «тан-куас».

...Эфиопы говорят: если хочешь спрятать дерево, помести его в лес. Чем иным являются «таботы», которым они поклоняются в двадцати тысячах своих церквей, как не настоящим лесом? А в самом сердце этого леса таится легендарный ковчег Завета, построенный у подножия горы Синай, пронесенный через пустыню и реку Иордан, принесший победу израильтянам в их борьбе за землю обетованную, доставленный царем Давидом в Иерусалим и помещенный Соломоном в святая святых первого иерусалимского храма. Приблизительно триста лет спустя он был забран оттуда верными священниками, стремившимися оградить его от осквернения и доставившими его в безопасное место на далеком египетском острове Элефантина. Там для него был построен новый храм, в котором он и хранился следующие двести лет. Когда же храм был разрушен, начались новые скитания. В итоге ковчег был доставлен в Эфиопию, в землю, вдоль и поперек пересеченную реками. С одного острова его переправили на другой – зеленый Тана Киркос, где установили в шатре-скинии и где ему поклонялись последователи единого Бога. На протяжении последующих восьми столетий он был центром своеобразного иудейского культа, поклонники которого стали предками нынешних эфиопских евреев-фалашей. Потом наступило время религии Нового Завета. Христиане переправили ковчег в Аксум и поместили в большой церкви, посвященной Пресвятой Богородице – Деве Марии.

Прошло еще много лет. С течением веков изгладилась память о том, каким путем ковчег попал в Эфиопию. Остались лишь легенды, объяснявшие тот таинственный факт, что небольшой городок среди гор Тиграи был избран Богом как последнее пристанище самой прославленной реликвии времен Ветхого Завета. Легенды эти были позже записаны в книге «Кыбрэ Нэгэст», содержащей, однако, такое множество ошибок и несоответствий, что последующие поколения ученых долго не могли добраться до скрытой в них истины...

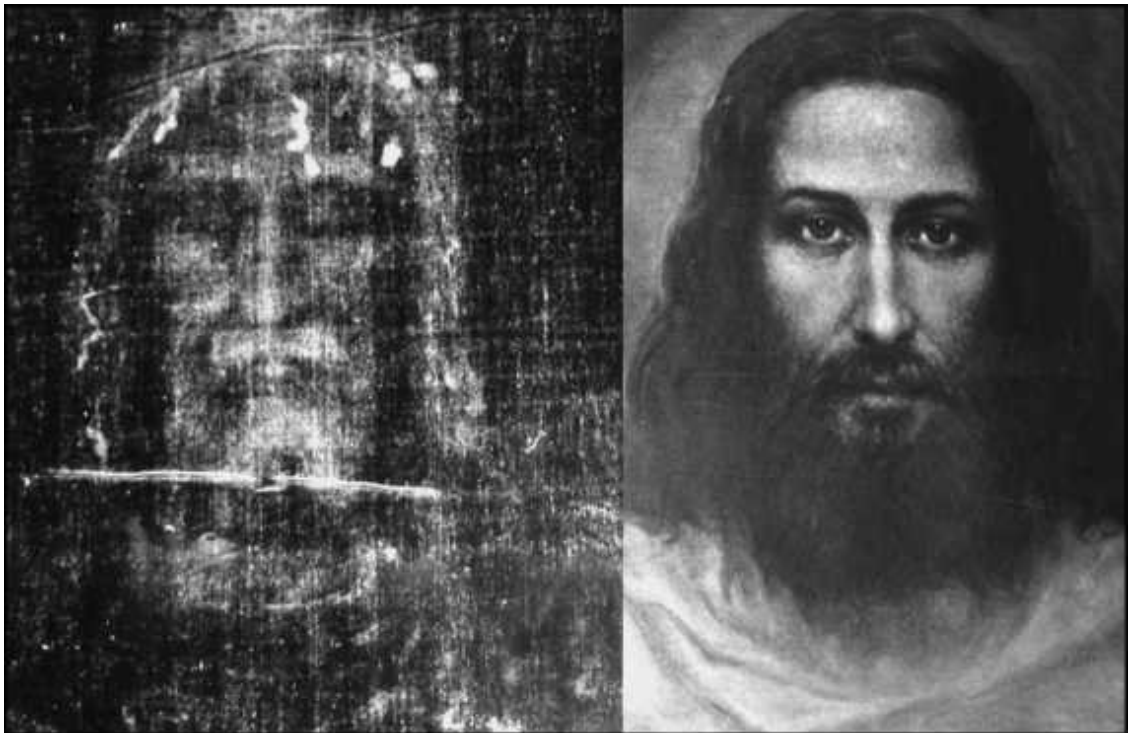
Жители Эфиопии верят, что священная реликвия хранит их страну от врагов и бедствий. Хранители ковчега убеждены, что «все в Эфиопии живут в мире, потому что сила ковчега осеняет их». Как бы то ни было, но Эфиопия – единственная африканская страна, которая за всю свою тысячелетнюю историю ни разу не лишалась независимости и с неизменным успехом, хотя и с различной степенью трудности, отражала любых агрессоров. И это внушает эфиопам уверенность в том, что они являются избранным народом, хранителями подлинного ковчега Завета, теми, кто унаследовал обеты, данные Богом Аврааму.

Туринская плащаница

Местонахождение: капелла Гуарини, кафедральный собор, Турин, Италия

Христианство – это религия воплощения. Поэтому все, связанное с человеческой историей, сущностно связано и с христианством. Бог не только всегда с нами – Он жил на нашей земле и оставил здесь следы своего пребывания. Иначе и быть не могло.

В первые же часы после смерти распятого Христа Иосиф Аримафейский отправился к Понтию Пилату и просил его разрешения снять с креста тело Иисуса. Пилат позволил сделать это, и Иосиф направился на Голгофу вместе с человеком по имени Никодим, который взял с собой специальный состав из смирны (мирры) и алоэ, «литр около ста» (Ин. 19: 39). Вдвоем они сняли с распятия тело Христа и отнесли его в ближайший сад, «и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Ин. 19: 41).

Погребение совершалось в спешке «ради пятницы Иудейской» (Ин. 19: 42). Был самый канун субботы, а в этот день евреям запрещается производить какую-либо подготовку к захоронению умерших, включая обмывание тела, его помазание, подвязывание челюсти, кистей и стоп. Иосиф и Никодим произвели лишь минимальную подготовку умершего к погребению. Они завернули тело в ткань и в таком виде оставили его в гробнице, которую прикрыли большим камнем. Во время погребения были использованы принесенные благовония, хотя как это было сделано точно, неясно.

На третий день после распятия, как повествуется в Евангелии от Иоанна, ранним утром, когда еще не рассвело, Мария Магдалина пришла к могиле Иисуса. Она увидела, что камень отвален от гроба, и сразу же побежала к апостолу Петру «и к другому ученику, которого любил Иисус» (Ин. 20: 2; этим эвфемизмом апостол Иоанн обычно именуется самого себя). Вместе они вернулись к могиле и убедились в отсутствии тела в гробнице.

Ученики Христа возвратились к себе, а Мария Магдалина осталась стоять у гроба, горько плача. Неожиданно перед ней предстали два ангела в белых одеяниях. Они спросили Марию, почему она плачет, и та ответила: «унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин. 20: 13). В этот момент она обернулась и... увидела стоящего перед ней Иисуса!

В первый момент Мария не узнала его, приняв за садовника. «Жена! Что ты плачешь? Кого ищешь?» – спросил Иисус. Думая, что это садовник, Мария воскликнула: «Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин. 20: 15). «Мария!» – позвал ее Иисус, и женщина наконец поняла, кто стоит перед ней: «Раввуни!» («Учитель!»)

Иисус сказал ей: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20: 17). Он попросил Марию пойти к ученикам и рассказать им о том, что она видела Господа – не мертвого, но живого. В гробнице остался лежать лишь кусок льняной материи, – немой, но весьма красноречивый свидетель Воскресения Христова...

Свидетельства о том, что умерший на кресте Христос был завернут в ткань (плащаницу), содержатся в трех синоптических Евангелиях. В Евангелии от Марка мы читаем: «Пришел Иосиф из Аримафеи, знаменитый член совета, который и сам ожидал Царствия Божия, осмелился войти к Пилату и просил Тела Иисусова... Он, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба» (Мк. 15: 43–47). И, как это ни удивительно, есть все основания полагать, что эта плащаница, которая обвивала тело умершего Иисуса Христа, сохранилась до наших дней. Она хранится на севере Италии, в городе Турине в кафедральном соборе, в специальной часовне, защищенная пуленепробиваемыми стеклами и системой сигнализации, запечатанная в драгоценном ковчеге, скрытая от взоров посторонних. А на льняной ткани плащаницы таинственным образом отпечаталось изображение Его распятого тела.

Туринская плащаница имеет длинную историю. Но никогда она не использовалась для того, чтобы убедить кого-либо в истинности Воскресения. Напротив, само присутствие плащаницы как подлинной реликвии в некоторые моменты подвергалось сомнению.

Ранняя история плащаницы известна плохо. Христиане Палестины издавна хранили память о местах, связанных с земной жизнью Иисуса Христа. Когда Елена, мать императора Константина, начала широкое строительство храмов на значимых для христиан местах, она руководствовалась лишь устными преданиями. Елена отыскала Крест Господень и другие реликвии. Однако о ткани, в которую было обернуто тело Иисуса, в те времена еще нет никаких упоминаний.

При императоре Константине умножилось число паломничеств в Святую Землю. Возвращаясь на родину, паломники имели обыкновение приносить с собой реликвии, иногда – просто взятые на память камни, землю, масло из светильников. Реликвии быстро превратились в предметы торговли; за них платили огромные суммы. Это оправдывалось тем, что места хранения реликвий становились центрами паломничеств. Естественно, вскоре проявились негативные стороны этого: мошенничество, а значит, и разочарование верующих. Вот почему церковь рано заняла весьма сдержанную позицию по отношению к реликвиям и под страхом суровых наказаний, вплоть до отлучения, запретила разделение, куплю-продажу и передачу реликвий и мощей без разрешения соответствующих церковных властей.

В свете всего вышесказанного стоит задаться вопросом: что же представляет собой знаменитая Туринская плащаница – еще одну расхожую реликвию, по отношению к которой следует проявлять сдержанность, или же речь идет о чем-то особенном, связанном со страстями, смертью и Воскресением Господа – словом, всем тем, что составляет безусловный центр христианской веры?

Нужно сказать, что нет абсолютно точных указаний, касающихся ткани, в которую было обвито тело Иисуса после снятия с креста. Евангелисты свидетельствуют, что мертвое тело Христа было обернуто в «плащаницу». Св. Иоанн говорит о «пеленах» и дважды – о «плате,

который был на главе Его». И все-таки после Воскресения никаких сведений об этой ткани и о ее местонахождении нет. Некоторые считают странным, что возможные доказательства Воскресения Господа не сохранились в качестве аргумента и не были предъявлены как неопровержимое доказательство. Если реликвия, которую мы называем плащаницей, действительно является той, о которой говорят Евангелия, то почему о ней столько времени не было ничего известно и почему появилась она лишь в определенный момент? Может быть, она долгое время подвергалась (как впоследствии подтвердит история) постоянному риску быть украденной или уничтоженной теми, кто стремился покончить с христианством? Если добавить к этому иудейские понятия о нечистоте всего, что связано с трупом, то причина долгого сокрытия тканей, плата и плащаницы, касавшихся тела умершего Иисуса, становится еще более прозрачной, несмотря на то, что эти ткани, как и пустой гроб, являются первым доказательством Воскресения Господа.

Некоторые апокрифы своими намеками могут помочь нам восполнить эти пробелы. Так, Св. Иероним в своем «*De viris illustribus*» приводит отрывок из «Евангелия иудеев», апокрифического текста, относящегося ко II столетию: «Отдав плащаницу рабу священнику, Господь явился Св. Иакову»; и в другом месте: «Отдав плащаницу Симону Петру...» Предание о том, что апостол Петр хранил плащаницу, проживет еще довольно долго.

Есть интересное свидетельство, связанное со Св. Ниной, просветительницей Грузии (ок. 337 г.). В одном из писем она спрашивает о новых сведениях о плащанице у своего учителя Ниафора и других ученых христиан Иерусалима. Из ее писем следует, что погребальные пелены сначала принадлежали жене Пилата, до тех пор, пока св. евангелист Лука не поместил их в более надежное место. Позднее апостол Петр якобы обнаружил их местопребывание и хранил у себя.

Какие-то ранние следы пребывания нерукотворного образа Иисуса Христа (плащаницы?) обнаруживаются в городе Эдессе (в настоящее время он носит название Урфа). Евсевий Кесарийский в своем труде «История Церкви» (325 г.) рассказывает о царе Эдессы Авгаре; существует также параллельное предание, приведенное в книге «Учение Аддаия» конца V века. Согласно этим источникам, царь Авгар посылал своего архивиста и художника Ханнана к Иисусу и Ханнан вернулся в Эдессу с нерукотворным образом Христа.

В 544 году, во время осады Эдессы персидским царем Хосровом Ануширом, в стене над городскими воротами был найден кусок ткани. На ней был изображен образ Христа Нерукотворного. Этому факту приписывается бегство врагов, осаждавших город (об этом свидетельствует Евагрий Схоластик, 594 г.). В эту же эпоху вновь появляется рукопись «Учение Аддаия», но уже переделанное и под другим названием: «Деяния Фаддея». В ней говорится, что Иисус запечатлел черты Своего Лица на ткани «*tetradiplon*» («тетрадиплон») – то есть четырежды сложенной вдвое. Эта ткань получает название «*syndon*» – плащаницы. В это же время эту ткань называли «*mandylion*» («мандильон»), то есть плат. О нем упоминает в своих сочинениях византийский император Константин VII Багрянородный (913–959). Император был убежден, что этот образ запечатлен самим Христом, приложившим плат к лицу. Он предполагал, что это произошло в Гефсиманском саду, когда во время молитвы со лба Иисуса струился пот, подобный каплям крови. Один из учеников дал Христу плат, и на ткани навсегда остались черты Божественного Лица. Согласно Константину царь Авгар Эдесский прикрепил этот плат к доске, украшенной золотом. На иллюстрациях можно видеть большой прямоугольник, который больше в ширину, чем в высоту, покрытый ромбовидной решеткой, в центре наверху – круг, где виден лик Христа; по бокам – края ткани. Можно понять, что ткань, на которой находился образ, была сложена в несколько раз. Отсюда, вероятно, и возникло слово «тетрадиплон» – неологизм, соответствующий новизне вновь обретенного образа.

Нерукотворный образ Христа сыграл важную роль в борьбе с иконоборчеством. Свидетелями тому являются Св. Андрей Критский, папа

Григорий II, константинопольский патриарх Герман I и Св. Иоанн Дамаскин. В 769 году папа Стефан IV, принимая участие в Синоде, созванном по поводу иконопочитания, использует образ Иисуса Христа, известный как «Эдесский мандильон», в качестве аргумента против иконоборцев. Наконец, Второй Никейский собор в 787 году говорит об образе из Эдессы как о «нерукотворном» и приводит его в качестве одного из аргументов в пользу иконопочитания.

В 944 году византийская армия осадила Эдессу, к тому времени захваченную арабами. Чтобы добиться мира, эмир города вынужден был отдать плащаницу Иоанну Гургену, армянскому военачальнику, находящемуся на службе у императора Константина VII Багрянородного. С этих пор о плащанице постоянно упоминается в перечнях реликвий, хранящихся при дворе византийских императоров.

Свидетельства об этом весьма многочисленны. Первое из них принадлежит самому императору Константину VII, который в своем трактате о реликвии из Эдессы описал ее как нечто нерукотворное и чудесное. В греческой рукописи, хранящейся в библиотеке Ватикана (рук. 511), которую можно датировать началом X века, мы находим проповедь Григория, архидьякона храма Святой Софии Константинопольской, где он описывает нерукотворный «мандильон» как нечто чудесное, созданное самим Христом. Образ представляет собой сияние, запечатленное каплями предсмертного пота, «падавшего, как капли крови, и стекавшего, подобно потокам воды райских рек, берущих начало от дерева жизни, со Святого Лица, который есть начало благодати». Это описание дает возможность догадаться, что речь идет не только о лице Христа, но и о верхней части тела.

Наиболее явным свидетельством раннего существования плащаницы является византийская монета, отчеканенная в конце VII века. На ней представлено погрудное изображение Христа, причем данное изображение имеет 21 сходство с тем, что имеется на плащанице. Например, на монете видны странные линии, соединяющие зрачки глаз с бровями; на плащанице дефект материи пересекает точно те же самые участки глаз. Эти особенности могут быть объяснены тем, что мастер-гравер попытался предельно точно перенести на монетное поле все особенности оригинала. Столь большое количество совпадений позволяет предположить, что плащаница уже существовала, по крайней мере, в 690 году.

Другим значительным событием, свидетельствующим в пользу существования плащаницы еще до XIII века, стало обнаружение в Венгрии иллюстрированной рукописи, где, помимо прочего, имеется и изображение плащаницы; создана рукопись в период с 1192 по 1195 год.

Изображение распятого Христа здесь имеет две примечательные особенности: его сопровождают странные геометрические фигурки (возможно, таким образом художник пытался воссоздать структуру льняной ткани «в елочку») и L-образные дуги, соответствующие тем, что имеются на дошедшей до наших дней плащанице (их, по всей видимости, можно объяснить попыткой художника представить имеющиеся на материале дыры от огня). Известно, что Туринская плащаница подвергалась воздействию огня дважды: первый пожар случился еще до 1192 года; второй имел место в 1532 году.

В 1080 году император Византии Алексей I пишет германскому императору Генриху IV, прося помощи, чтобы защитить драгоценные реликвии, хранящиеся в Константинополе. В их числе упоминается «ткань, найденная во гробе Иисуса после Воскресения». Эта просьба послужила импульсом для начала крестовых походов в Палестину.

В 1147 году император Мануил I Комнин показывал реликвию французскому королю Людовику VII, направлявшемуся в Святую Землю, а в 1171 году – Амори I, латинскому королю Иерусалима. По свидетельству Робера де Клари, летописца 4-го Крестового похода, прежде, чем крестоносцы завоевали Константинополь, в храме Влахернской Богородицы каждый день выставлялась плащаница («sydoine»), и что на ней был ясно виден Лик Иисуса.

4-й Крестовый поход стал несчастьем для Вселенской Церкви. Христиане, пришедшие с Запада, вместо того чтобы помочь своим восточным братьям, начали воевать с ними и грабить

их города, часто не оставляя от них камня на камне; это – рана, которая, возможно, еще не зажила. Можно считать, что действительный раскол Церкви на восточную и западную произошел не в 1054, а в 1204 году.

17 июля 1204 году крестоносцы взяли Константинополь и разграбили его. Одним из их любимых занятий стало расхищение реликвий, торговля которыми, хотя и запрещенная и сурово каравшаяся, приносила огромную прибыль. Чтобы понять, сколько стоили реликвии, достаточно вспомнить, что французский король Людовик Святой выкупил у Балдуина II терновый венец Иисуса Христа и другие реликвии за 120 000 фунтов золота (60 000 кг)! Это – вдвое дороже, чем обошлось строительство часовни Сент-Шапель в Париже, которая была возведена специально для хранения этих реликвий.

В 1205 году Теодор Анж в письме к папе Иннокентию III сообщает о разграблении Константинополя французами и венецианцами; венецианцы взяли все мощи и реликвии, тогда как французы – «самое святое: плащаницу, в которую было обвито тело Господа нашего Иисуса Христа после Его смерти». Там же говорится, что после разграбления Константинополя плащаница попала в Афины, где в то время правил герцог Оттон де ля Рош. Он переправил реликвию во Францию.

С этого момента плащаница надолго исчезает. Поскольку в те времена кража священных реликвий каралась отлучением, очень вероятно, что виновные просто скрыли Плащаницу, чтобы не попасть в руки церковного суда. Но сохранили они ее прежде всего из-за ее ценности, в том числе и материальной.

В документах процесса над тамплиерами в начале XIV века можно встретить очень любопытное обвинение: рыцари-тамплиеры якобы тайно поклонялись образу некоего бородатого человека с рыжими волосами. После роспуска ордена его последний великий магистр погиб на костре в 1314 году. Вместе с ним в числе других высших руководителей ордена был сожжен и рыцарь Жофруа (Годфрид) де Шарни, глава храмовников Нормандии.

Легендарные сокровища ордена и оригинал упомянутого образа до сих пор не найдены. Однако была найдена копия этого образа! Она демонстрировалась в Англии в 1945 году, и его сходство с ликом на плащанице несомненно...

Спустя полтора века после ограбления Константинополя ткань, практически идентичная той, что хранилась в храме Влахернской Богородицы, неожиданно объявилась в скромной деревенской церкви в Лири, в 19 километрах от Труа (Франция). Она была преподнесена в дар местным сеньором. Остается загадкой, каким образом реликвия, описание которой совпадает с описанием Туринской плащаницы, попала в руки дарителя. Но зато известно имя этого дарителя: Жофруа де Шарни. Точно так же звали рыцаря-тамплиера, сожженного на костре вместе с великим магистром ордена в 1314 году.

Нет, конечно, никаких оснований полагать, что речь идет об одном и том же лице. Однако несомненно, что тамплиер де Шарни и сеньор Лири находились в родственной связи (во Франции той поры «случайных» однофамильцев не было). И по всей видимости, именно тамплиеры являются тем таинственным «недостающим звеном», что соединяет пропажу плащаницы в Афинах в 1204 году и ее внезапное появление в маленькой сельской церкви в Шампани в 1353 году. Во всяком случае, именно так считает английский исследователь Вильсон.

Церковь в Лири выстроена сеньором Жофруа де Шарни, который, согласно документу, хранящемуся в частной коллекции семьи де Шан, получил плащаницу в дар от короля Филиппа Красивого. По другой версии, высказанной историком Бонне-Эймаром, плащаница с 1-й половины XIII века находилась в руках семейства Шарпиньи из Мореи (Греция; глава семьи был рыцарем-крестоносцем, участником 4-го Крестового похода), с которой семья де Шарни породнилась в начале XIV столетия. Агнесса де Шарпиньи стала супругой Дре де Шарни, старшего брата Жофруа, и, возможно, привезла с собой плащаницу в качестве приданого. Как бы то ни было, после 1353 года история плащаницы хорошо документирована.

Хранившаяся в Лири реликвия представляла собой двойной образ Христа на льняной ткани. Как свидетельствуют документы, плащаница сразу же привлекла в это небольшое селение в Шампани море паломников. Епископ Труа Анри де Пуатье решил проверить подлинность реликвии. Он написал настоятелю церкви в Лири и потребовал передать ему реликвию, чтобы подвергнуть тщательному исследованию. Однако, сопротивляясь передаче реликвии в руки епископа, духовенство лирийской церкви отдало ее семейству Шарни на сохранение в замке, находившемся за пределами епархии Труа.

Новый епископ Труа, Пьер Д'Арси, продолжал собирать данные для исследования реликвии. Результаты его он представил папе Клименту VII в 1389 году. После заседания епархиального синода епископ запретил священникам говорить о реликвии в проповедях и под страхом отлучения обязал духовенство лирийской церкви отказаться от новых публичных выставлений плащаницы, потому что она была сочтена поддельной. Настоятель церкви в Лири отказался подчиниться этому требованию. После этого сам сеньор Лири начал демонстрировать народу реликвию, добившись для этого охранный грамоты от короля вопреки решению епископа.

Епископ Дарсис передал дело в суд. Декретом короля Карла VI в начале августа 1389 году суду города Труа было предписано изъять реликвию и поместить ее в одном из храмов города до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение по этому делу. Настоятель, сославшись на то, что у него нет ключей от места, где хранилась реликвия, отказался отдать ее. Тем временем он и сеньор Лири написали папе Клименту VII, прося разрешения продолжать практику выставления плащаницы.

6 января 1390 года понтифик разрешил публичный показ реликвии, на которой есть «образ или изображение Святой плащаницы». При этом, однако, следовало избегать всякой торжественности и вслух объявить народу, что речь идет не о самой плащанице Господа, а о ее изображении. Папа предписал епископу хранить молчание по этому поводу, а настоятелю церкви в Лири запретил говорить о реликвии как о подлиннике.

В 1418 году Маргарита де Шарни, внучка Жофруа де Шарни-второго, при согласии духовенства лирийской церкви, решает отдать реликвию на сохранение своему мужу, графу де ля Рошу. Обе стороны заключили 6 июля 1418 года договор, в котором говорится, что священники церкви в Лири отдали сеньору де ля Рошу «ткань, на которой находится образ или изображение плащаницы Господа нашего Иисуса Христа, помещенной в сундук с гербами рода Шарни», с обещанием вернуть ее, «когда закончатся злключения, которые претерпевает Франция ныне». Вероятно, реликвия после этого была перенесена в крепость Монфор во Франш-Конте: поздние хроники XVII века сообщают о том, что раз в году в одном из селений этой области производилось публичное выставление плащаницы.

Поскольку Маргарита де Шарни так и не вернула реликвию, клирики лирийской церкви представили дело в суд. В 1443 году судья вынес решение в пользу храма в Лири, требуя возвращения всех драгоценностей и реликвий, кроме плащаницы, которую Маргарита де Шарни имела право оставить еще на три года. В качестве компенсации она должна была каждый год уплачивать большую сумму. Причин, по которым дама стремилась удержать реликвию у себя, были две: плащаница «была приобретена ее почившим дедом Жофруа де Шарни... и то, что Лири – место, еще небезопасное для реликвии».

На протяжении четырех лет священники настаивали на своих требованиях в суде, но Маргарита продолжала ссылаться на прежние аргументы. 18 июля 1447 года ей дали отсрочку еще на два года, по истечении которых и после уплаты новой суммы денег клирики разрешили продлить хранение еще на три года.

Интересно, что во время этих судебных процессов, историческая достоверность которых не подлежит сомнению, ткань уже не именуется «образом или изображением», как раньше, но прямо называется подлинной плащаницей Христа.

Маргарита де Шарни всегда держала реликвию при себе. Между тем политические обстоятельства вынудили даму отправиться в Савойю, где она должна была отстаивать интересы и наследственные права своего рода от притязаний герцога Людовика Савойского и его жены Анны Лузиньян. Преодолев многие трудности, Маргарита смогла достичь своих целей. Как видно из договора, который был подписан в Женеве в 1453 году, Людовик Савойский оказался очень щедр с ней из-за «многих и похвальных услуг, которые дама оказала герцогу». Эта фраза может быть намеком на то, с чем сегодня согласны почти все исследователи: Маргарита де Шарни уступила реликвию герцогу Савойскому.

Нетрудно понять причины, по которым герцог так заинтересовался реликвией. Прежде всего он стремился поднять престиж своего рода. Кроме того, его жена, Анна Лузиньян, считала себя по рождению наследницей королей Иерусалима и Кипра, и поэтому особым образом связанной с плащаницей.

Сначала реликвия считалась частной собственностью герцогов Савойских. Она хранилась в домовый часовне и повсюду следовала за двором. Все члены семьи высоко чтили ее. Мало-помалу реликвия становилась все более известной; кардинал Франческо делла Ровере, будущий папа Сикст IV, сообщает о реликвии, находящейся у Савойской династии, в своем труде «*De sanguine Christi*», опубликованном в 1473 году.

У реликвии еще не было постоянного местонахождения, потому что Савойский двор постоянно возил ее с собой, считая средством от всякого рода опасностей. Конечно, в этом был очевидный риск. Поэтому постепенно возникла идея возвести в Шамбери специальную часовню, чтобы хранить там плащаницу. Таким образом, реликвия перестает быть частной собственностью и становится драгоценностью всей Савойи, а позднее – и всей Вселенской Церкви.

12 июня 1502 года реликвия была торжественно перенесена в часовню в Шамбери. Епископ Гренобля лично нес ее в руках. События в Шамбери вызвали огромный энтузиазм верующих; фамильная часовня герцогов Савойских в одночасье стала самым популярным в Европе местом массовых паломничеств. В 1506 году папа Юлий II утвердил тексты литургии для публичного почитания реликвии и провозгласил 4 мая праздником Плащаницы. Несколько лет спустя было основано братство Святой Плащаницы.

4 декабря 1532 года в ризнице часовни в Шамбери произошел пожар. Хотя реликвию вовремя удалось спасти, одна из сторон серебряного ящика, где она хранилась сложенной, оплавился от высокой температуры, и капля расплавленного металла прошла насквозь через все слои ткани. В следующем году на праздник Плащаницы, 4 мая, реликвия не была выставлена, что вызвало разочарование верующих. Поползли слухи, что она сгорела во время пожара. Об этом писали, в частности, Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» и Жан Кальвин в трактате о реликвиях, иронизировавший над их подлинностью.

Чтобы заставить замолчать оппонентов, было необходимо вновь проверить аутентичность плащаницы. Папа поручил эту задачу кардиналу-легату Людовику де Горрево.

Исследование состоялось 15 апреля 1534 года. Реликвия была принесена из башни, где хранилась, в часовню и разложена на столе. Были допрошены двенадцать свидетелей, которые до пожара прикасались к ней своими руками и показывали ее народу. Все подтвердили ее подлинность. Тогда кардинал-легат торжественно провозгласил, что это – аутентичная реликвия. После этого он передал ее сестрам-кларискам и поручил им восстановить то, что было повреждено.

2 мая 1534 года реликвия была торжественно возвращена в часовню в Шамбери. Там она оставалась до 1578 года, когда герцог Эммануил Филиберт Савойский передал плащаницу в Турин. С 1694 года плащаница хранится в роскошной часовне, построенной при Туринском соборе архитектором Гверино Гуарини. Вплоть до смерти короля Умберто II в 1983 году пла-

щаница номинально оставалась собственностью семьи Савойских, после чего в соответствии с волей умершего была передана Святейшему Престолу.

Произошедшее в мае 1898 года событие привело к значительному возрастанию интереса к плащанице во всем мире. Фотограф-любитель по имени Секондо Пиа впервые получил разрешение сделать несколько фотографий реликвии. Войдя в совершенно темное помещение (фотографии делались на стеклянных пластинках), Секондо Пиа испытал благоговейный трепет: на сделанном им негативе темные участки выглядели светлыми, а светлые, наоборот, темными, так что практически неуловимое изображение на плащанице стало живым и ярким. То, что могло оставаться на ткани практически незаметным, очень хорошо просматривалось на негативах!

Открытие Секондо Пиа произвело ошеломляющее впечатление. Позитивное изображение позволило разглядеть не только в лице, но и во всей фигуре такие детали, которые раньше увидеть было невозможно.

С этого момента к исследованию плащаницы приступили ученые. Вот уже более ста лет они пытаются разгадать тайну полотна. Используются самые совершенные методы анализа и самая современная аппаратура; проводятся сложнейшие эксперименты; выдвигаются различные гипотезы. Возникла даже целая наука – синдонология, от греческого «синдон» – плащаница.

Замечательно, что тот лик Иисуса Христа, который мы сейчас знаем по фотографиям, сделанным с Туринской плащаницы, и который так похож на образ с иконы «Спас Нерукотворный», проявился всего лишь сто лет назад, и известен он стал лишь благодаря достижениям тогдашней науки. Плащаница как бы «открыла» свое лицо; с этого времени она заговорила с учеными на языке, понятном только для специалистов – на языке измерений и математических вычислений. Начался полный драматизма и неожиданных открытий процесс исследования реликвии. Для физиков, биохимиков, криминалистов, медицинских экспертов плащаница стала «пятым Евангелием», повествующем о смерти и Воскресении Иисуса Христа, запечатанной книгой, которую они только-только начинают приоткрывать. Не единичны случаи, когда ученый-специалист, в силу своих профессиональных обязанностей приступивший к исследованию плащаницы, приходил к выводу о ее подлинности и через это обращался к Евангелию и ко Христу.

С точки зрения беспристрастного исследователя Туринская плащаница представляет собой кусок льняной ткани длиной 4 м 36 см и шириной 1 м 10 см. Эти размеры практически точно выражаются в единицах древней меры длины – 2 x 8 локтей. Материя пожелтела от времени, и в некоторых местах имеются сожженные участки.

Ткань соткана на примитивном станке, подобно тканям, производившимся в Сирии в начале нашей эры. Технически она определяется как саржа. В различных частях ткань неоднородна по своей структуре, отсюда разница в массе и плотности. Кроме того, льняные нити перемешаны с мельчайшими волокнами хлопка.

Полотно имеет размеры 4,34 x 1,1 м. На его лицевой и изнаночной стороне заметны слабые негативные изображения обнаженного мужского тела во весь рост, расположенные симметрично друг к другу, голова к голове. На одной половине плащаницы – образ мужчины со сложенными впереди руками и ровно лежащими ногами; на другой половине – то же тело изображено со спины.

Образ на плащанице не яркий, но достаточно детальный; он дан одним цветом – желто-коричневым, разной степени насыщенности. Невооруженным взглядом можно различить черты лица, бороду, волосы, губы, пальцы.

На плащанице имеются следы крови из многочисленных ран на теле. По лбу и по длинным прядям волос как бы сбегает струйки крови. Кровавые подтеки от ударов бичей покрывают всю грудь, спину и ноги. На запястьях и на ступнях видны следы, похожие на пятна застывшей

крови, вытекшей из ран, оставшихся от гвоздей. В боку большое пятно, возникшее, видимо, из-за глубокой раны, достигшей сердца. Все раны до мельчайших подробностей соответствуют истязаниям, описанным в Евангелии.

Можно предположить, что образ на плащанице появился тогда, когда тело Иисуса Христа, в соответствии с евангельским повествованием, было положено в пещеру. При этом тело Его лежало на одной половине плащаницы, а другая половина, перекинутая через голову, покрывала Его сверху.

В первые две трети XX столетия исследования плащаницы ограничивались изучением сделанных с нее фотографий, с каждым разом все более и более качественных. На фотографиях были выявлены детали, которые невозможно различить невооруженным глазом.

В 1900 году профессор сравнительной анатомии Сорбонны Ив Деляж (следует упомянуть о том, что он считал себя атеистом) показал сделанные в 1898 году фотографии Секондо Пиа своему другу Полю Виньону. Вскоре к ним присоединились Рене Кольсон (профессор физики) и Арман Готье (профессор медицины). До 1902 года выполняемая этой группой работа представляла собой просто лабораторное моделирование, так как исследователям не удалось получить разрешение на проведение работ с самой плащаницей. Впрочем, на основании результатов этих исследований также можно было доказать, что Плащаница является подделкой, или, наоборот, получить доказательства ее подлинности.

Виньон попытался сперва нарисовать картину на полотне примерно такого же качества, как и плащаница. Однако сделанный им рисунок всякий раз стирался, если ткань складывали. Тогда Виньон начал экспериментировать с так называемой «теорией отпечатка»: он приклеивал себе бороду, обмазывался красной краской, ложился на стол, а ассистенты прикладывали кусок ткани к его лицу. Результаты этих экспериментов были крайне неудовлетворительными.

Затем Виньон испытал так называемую «проекционную теорию». Исследования показали, что пятна на полотне соответствуют тем частям тела, которые соприкасались с тканью или находились на расстоянии не более 1 см от нее. Их интенсивность находилась в обратной зависимости от расстояния: если оно было больше 1 см, изображение отсутствовало. Виньон предположил, что отпечаток на полотне образовался благодаря испарениям от мертвого тела: из пота на ткань, пропитанную смесью алоэ и оливкового масла, выделился аммиак, следы которого остались на ткани... Однако абсурдность этого предположения вскоре стала очевидной даже его автору.

Исследователи пытались получить аналогичное изображение на схожем с оригиналом куске холста путем окрашивания и нанесения на ткань различных химических веществ, а также путем продавливания материи; они анализировали раны и оставшиеся от плети отметины на теле Христа и на полученном изображении, сравнивая их с повреждениями, которые в действительности могли бы быть нанесены во время казни и распятия на кресте; они изучали также пятна крови на ткани во время химических тестов. К легенде, связанной с плащаницей, эти люди относились с большим скептицизмом, однако результаты исследований подтвердили, что они имеют дело с настоящей исторической реликвией и что плащаница действительно является тканью, которая однажды использовалась во время похорон.

21 апреля 1902 года Деляж представил результаты проведенных исследований во Французскую академию наук. В том же году вышла в свет и первая публикация Поля Виньона «Плащаница Христа» (сначала на французском, а затем и на английском языке).

В начале 1930 года выдающийся французский хирург Пьер Барбе провел ряд опытов над умершими, на основании которых предположил, что ключом к раскрытию тайны Плащаницы мог стать один момент, на который обращали внимание многие: почему на сделанном на ткани изображении на руках отсутствовали оба больших пальца? Экспериментируя, Барбе вбил гвоздь в запястье ампутированной руки и обнаружил, что при этом большой палец пере-

двигается внутрь, то есть к центру ладони, так как вбиваемый гвоздь приводит к разрыву запястного сухожилия.

Открытие Барбе существенно повысило интерес к реликвии. Сделанные к тому времени Джузеппе Энри новые фотографии плащаницы (при этом использовались более совершенные технологии и оборудование, чем во времена Пиа) снабдили ученых новым материалом для исследований.

Одним из самых важных доводов в пользу подлинности плащаницы является то, что она сообщает нам такие подробности, которые либо существенно уточняют, либо корректируют сложившиеся в веках представления о голгофских событиях. Об этих подробностях в Средние века (если считать плащаницу поздней подделкой) знать просто не могли. Характерно, например, что к XIII–XIV веками в христианской традиции сложились устойчивые каноны изображения Христа. Фигура на кресте никогда не представляла нагой, но всегда в набедренной повязке; руки бывали пробиты в ладонях; терновый венец, если изображался (чаще не изображался), рисовался в виде обруча. На плащанице же распятый совершенно обнажен, что соответствует римским обычаям; руки пробиты в запястьях, что опять-таки соответствует исторической правде – ладони не выдержали бы тяжести тела; терновый венец сплетен в виде митры – царского венца древневосточных царей.

Исследования плащаницы показали, что на ней запечатлено изображение мужчины с бородой и длинными волосами, мощного и пропорционального телосложения и семитскими чертами лица. Возраст – около 30–35 лет, вес приблизительно 79 кг, рост 181 см.

Человек этот был подвергнут ужасным истязаниям. На его теле насчитывается около 600 ран и ушибов. На носу и правой щеке видны раны от удара палкой. Имеются также раны на веках и надбровных дугах, отек на правой скуловой кости, струйки крови, вытекающие из носа, вмятина с небольшим сдвигом на кончике носа, следы вырывания волос вместе с верхним слоем кожи. Все это наглядно свидетельствует о крайней степени страданий Христа. Но несмотря на это, изображение лица на плащанице поражает неповторимой красотой и покоем.

Возложение тернового венца («И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Ин. 19: 2)) не применялось ни в иудейской, ни в римской практике. Этот вид истязаний был придуман только для Иисуса. На плащанице видны многочисленные следы крови, выступившей в результате прокалывания кровеносных сосудов шипами тернового венца. Этот венец имел форму чепца, который охватывал всю голову. Анатомы насчитали 13 ран от шипов терна на лбу и 20 на темени. Поскольку под кожей головы располагается сеть нервных окончаний и кровеносных сосудов, то терновый венец вызывал невыносимую боль, а также обильное кровотечение. «Если учесть, что на 1 кв. см кожи головы приходится свыше 140 чувствительных к боли точек, то можно себе представить огромные страдания Христа во время трагической коронации», – писал Л. Коннини, директор Института анатомии Болонского университета (Италия). Исследования подтвердили совпадение мест появления крови с расположением артерий и вен на голове. Это является очередным доказательством истинности плащаницы, поскольку кровеносная система была изучена и описана только в 1593 году.

Евангелия свидетельствуют, что Иисус был подвергнут бичеванию, и плащаница наглядно подтверждает эти свидетельства. На всем теле видны раны от ударов римской плетью-«флагрум». Это было страшное наказание, иногда даже приводившее к смерти. Плеть представляла собой три длинных ремешка, на концах которых были вшиты кусочки металла, которые при ударе рвали кожу и даже мышцы. Всего на теле имеется 120 ран от ударов плети.

Обычно бичеванию подвергались только те, кто не был приговорен к смерти. После исполнения приговора их отпускали на свободу. Пилат сперва хотел только бичевать Иисуса: «Итак, наказав Его, отпущу» (Лк. 23: 16). Этим, по-видимому, и объясняется большое количество ударов и необычайная жестокость, с какой римские солдаты бичевали Иисуса: они считали, что выполняют окончательный приговор.

Палачей было двое. Тот, который стоял справа, был более высокого роста и делал свое дело с явным садизмом. Иисус стоял, слегка наклонившись, руки Его были привязаны к столбу. Удары плетей приходились также на живот, верхнюю часть грудной клетки, голени и бедра.

Изучая следы ран на плащанице (в частности, над левой и правой лопатками), ученые пришли к общему мнению, что Иисус нес на место распятия поперечный брус креста, а руки Его были привязаны к нему.

Вес бруса составлял около 30 кг, а его длина достигала 1,8 м. Крайне изнуренному после бичевания Иисусу приходилось преодолеть путь к месту распятия длиной около 0,5 км, и для этого нужно было прилагать большие усилия. Несколько раз падая лицом вниз, он разбивал колени о каменистую дорогу. Ученые обнаружили следы от ран на лице и на коленях (особенно на правом), полученных в результате этих падений. Известно, что сам Иисус не мог донести крест, и римский сотник заставил некоего Симона Кириянина взять крест, «чтобы нес за Иисусом» (Лк. 23: 26).

Распятие было самым жестоким и унижительным видом казни, применявшимся в Римской империи. На плащанице хорошо видны раны в пробитых гвоздями запястьях. Руки прибивали к кресту гвоздями через запястья, а не через ладони, потому что только тогда они могли выдержать тяжесть тела, висящего на кресте. Ладони, пробитые гвоздями, под весом тела разрывались.

Гвозди вбивались в пространство, называемое «щелью Десто», между запястными костями. В этом месте нет крупных кровеносных сосудов, однако проходит центральный нерв, управляющий движениями человека. «Центральные нервы, – пишет один из исследователей Туринской плащаницы, доктор Пьер Барбе, – в которые попали гвозди, выполняют двигательную функцию, но одновременно являются и сигнализаторами боли. Эта боль ужасная, но переносимая. В противном случае человек потерял бы сознание».

На плащанице видны следы, которые оставили две струйки крови из раны на левом запястье. Благодаря этому ученые смогли установить положение рук, прибитых к поперечному бусу креста. Угол между струйками составляет около 10°, это значит, вися на кресте, Иисус время от времени старался приподняться, чтобы набрать воздуха, и тогда принимал положение 65° от линии плеча, а когда опускался – 55°. На несколько мгновений угол наклона плеч изменялся, и тогда Иисус мог набрать воздуха. Боль и измождение принуждали Его вновь опускаться. Этот ритм подтягивания и опускания на прибитых гвоздями к кресту руках и ногах продолжался около 3 часов и был причиной ужасных страданий. С течением времени ритм становился все более частым, пока не были полностью исчерпаны силы и не наступила смерть.

По отпечаткам стоп можно сделать вывод, что они были прибиты одним гвоздем к вертикальной балке креста. Стопы были положены левая на правую.

По мнению врача Луиджи Малантрукко, руководителя лаборатории в Фатенефрателли (Италия), анализ следов от раны в правом боку – шириной 1,5 см и длиной 4,5 см, а также от обильного вытекания крови и жидкости, скопившихся в плевральной впадине, указывают на то, что непосредственной причиной смерти стал разрыв сердечной мышцы в результате инфаркта, после которого произошло просачивание крови в околосердечную сумку (там собралось около 2 литров крови), а затем – в плевральную впадину, вызвав гемоперикардию. Внезапный разрыв околосердечной сумки под влиянием сильного давления скопившейся там крови вызывает парализующую боль в области грудной клетки. Это было причиной вскрика, после которого Иисус умер. «Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух» (Мф. 27: 50).

Внезапная смерть, наступившая при полном сознании, в крайнем изнеможении, обычно вызывает моментальное посмертное окостенение. Этим объясняется напряженная поза тела на плащанице.

Вскоре после смерти произошло разделение скопившейся в околосердечной сумке крови на красные кровяные тельца, которые собрались в нижней части, и бесцветную плазму, которая

оказалась в верхней части плевральной полости. После того как верхняя часть грудной клетки была пробита копьем, произошло внезапное излияние наружу сначала красных кровяных клеток, а затем плазмы крови – «крови и воды», как написал в Евангелии Св. Иоанн (Ин. 19: 34).

Специалисты в области судебно-медицинской экспертизы утверждают, что тело Иисуса было обернуто в плащаницу примерно через два с половиной часа после смерти и оставалось в ней до 36 часов, поскольку на плащанице не осталось следов разложения и гниения. С полной уверенностью можно утверждать, что тело не вынималось из плащаницы, поскольку на ней нет следов отделения от тела и отчетливо видны нетронутые сгустки крови.

Отпечаток мертвого тела на плащанице не указывает, однако, на какие-либо признаки его разложения.

Тщательные исследования образа на плащанице обнаружили указания на то, что вокруг головы Иисуса Христа была повязка, поддерживающая нижнюю челюсть. Другой перевязью были связаны впереди руки. Эти перевязи были под плащаницей, на самом теле Иисуса Христа.

В результате обработки трехмерного изображения ученые идентифицировали две монеты, лежавших на правом и левом глазах человека с плащаницы. Одна монета была отчеканена между 29-м и 32-м годами во времена правления Понтия Пилата, а вторая отчеканена Пилатом в честь Юлии, матери императора Тиберия, в 29-м году после Рождества Христова. Это очередной довод в подтверждение происхождения плащаницы со времен Христа, а наличие монет на глазах отражает древний еврейский обычай при погребении умерших.

Но почему на плащанице не запечатлелась боковая поверхность тела? Ведь если плащаница лежала на теле свободно, она должна была ниспадать по бокам, и боковая поверхность тела должна так же хорошо быть видна, как и остальные участки тела.

Для ответа на этот вопрос мы должны обратиться к другому месту из Евангелия от Иоанна. «Пришел также и Никодим... и принес состав из смирны и алоэ, литр около ста» (Ин. 19: 39). Сто литров благовоний – это более 30 кг. Смирна представляет собой загустевший сок кустов бальзамической мирры, а алоэ – это порошкообразное ароматическое вещество из сандалового дерева. Внимательное чтение Библии убеждает нас, что в древности обычным делом было приготовление благовоний в твердом состоянии, особенно для длительного хранения.

Из сопоставления Евангелия от Иоанна с Евангелиями от Марка и Луки становится ясным, что Иосиф Аримафейский и Никодим не совершали омовения тела Иисуса Христа. С этой целью как раз пришли рано утром после субботы жены-мироносицы ко Гробу Господню, чтобы совершить то, что не было сделано при погребении. Плащаница также свидетельствует, что омовения тела Иисуса Христа не было совершено, иначе следы крови были бы смыты и не запечатлелись на ткани плащаницы. Поэтому следует предположить, что либо Иосиф и Никодим передали состав смирны и алоэ для приготовления мира женщинам, которые стояли поодаль при погребении Иисуса Христа, либо они оставили смирну и алоэ в пещере. Но первому предположению противоречит свидетельство Евангелия от Марка, в котором говорится, что жены-мироносицы сами купили благовония (Мк. 16: 1). И даже если часть порошкообразного состава из смирны и алоэ Иосиф и Никодим передали женщинам, чтобы они приготовили помазание (Лк. 24: 56), большую часть его Иосиф и Никодим, по-видимому, насыпали пригоршнями по периметру вокруг тела Иисуса Христа, лежащего на одной половине плащаницы. Тридцати килограммов для этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.